

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-81-95>

УДК 31/7.049.1

ББК 6/8

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. В. С. Белгородский

г. Москва, Россия

© 2023 г. М. Г. Котовская

г. Москва, Россия

© 2023 г. Э. Г. Швец

г. Москва, Россия

«НЕ ХОЧУ ЗАМУЖ, ХОЧУ УЧИТЬСЯ»: К СОЦИОЛОГИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Аннотация: В статье рассматриваются повседневные практики, присущие женскому типу гендерной социализации, и отдельные аспекты социальной жизни женщин в России первых десятилетий XX в. Статья написана с привлечением материалов журнала «Работница» 1910–1920 гг. XX в. В статье рассмотрено, как формировались модели мировосприятия женщин, как менялись взгляды на женское образование, как складывались каноны женской красоты и новые поведенческие модели. В исследовании показано, как социально-экономические трансформации влияли на образ жизни, образ мысли и внешний вид женщины в начале XX в., времени, когда параллельно шли процессы массовой индустриализации и урбанизации. Авторы статьи предлагают обоснованную гипотезу об изменении концепции журнала «Работница» по сравнению с концом XIX в., когда журнал существовал в совершенно другой социальной парадигме. В выводах статьи говорится о том, что оставалось главным в жизни женщины, несмотря на революционные потрясения и новый уклад жизни. В 1920-е гг. XX в. женщина уже не предстает как беззащитное, слабое существо, опекаемое мужчиной: в прошлое уходит образ скромной, нежной, слабой женщины. Новый образ женщины предполагает такие качества, как сильная, самостоятельная и свободная. Журнальные статьи показывают, как постепенно формируются новые гендерные стереотипы, нормы поведения, модели общения мужчин и женщин.

Ключевые слова: повседневные практики, женский журнал, женский образ, женское образование, социальная парадигма, СМИ.

Информация об авторах:

Валерий Савельевич Белгородский — доктор социологических наук, профессор, ректор, Российский государственный университет им. А. Косыгина, ул. Малая Калужская д. 1, 119071 г. Москва, Россия.

E-mail: rector@rguk.ru

Мария Григорьевна Котовская — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт этнологии и этнографии Российской академии наук, Ленинский пр-т. 32А, 119334 г. Москва, Россия; профессор, Российский государственный университет им. А. Косыгина, ул. Малая Калужская д. 1, 119071 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1056-3432>

E-mail: kotovskaya53@gmail.com

Элина Григорьевна Швец — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории искусства РГГУ, Миусская пл., д. 6, 125047 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1821-0586>

E-mail: elina_shvets@mail.ru

Дата поступления статьи: 09.08.2022

Дата одобрения рецензентами: 04.01.2023

Дата публикации: 28.06.2023

Для цитирования: Белгородский В. С., Котовская М. Г., Швец Э. Г. «Не хочу замуж, хочу учиться»: к социологии повседневности // Вестник славянских культур. 2023. Т. 68. С. 81–95. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-81-95>

В представленной статье читателю предлагается «взглядом через столетие» рассмотреть роль новых советских СМИ в жизни женщины. Нами выбран журнал «Работница» и анализ влияния печатного слова на вопрос женского профессионального самоопределения и образования в эпоху первых десятилетий XX в. Мы обратимся непосредственно к исследуемому нами журналу «Работница» и проследим, как отразились изменения в повседневной жизни женщины на содержании этого массового женского издания. Попытаемся обосновать гипотезу изменения концепции журнала по сравнению с концом XX в., когда журнал существовал уже в совершенно другой социальной парадигме. И, наконец, сделаем выводы о том, что так и оставалось главным в жизни женщины, несмотря на революционные потрясения и новый уклад социальной жизни. Также будет предпринята попытка выделить несколько составляющих образа женщины начала 20-х гг. XX в. Пользуясь открытыми источниками, мы проиллюстрируем исследовательский материал произведениями графического и живописного искусства первых десятилетий XX в.

Тематику обсуждения новых повседневных женских практик 20-х гг. XX в., женского образования и новой идентичности женщин на страницах журнала «Работница» в отдельных научных исследованиях практически не обсуждали напрямую. Эта тема в некоторых работах звучит иногда косвенно, а иногда рефреном. В сборнике «Большевистская печать» говорится о важной роли новых СМИ в формировании мировоззрения женщин в контексте революции в России 1917 г. [5] Исследователь Т. Дашкова в книге «Телесность — Идеология — Кинематограф. Визуальный канон и советская повседневность» рассматривает роль визуализации материалов и убедительность изображения на страницах журнала «Работница» [1]. М.Г. Котовская в сборнике «История моды и повседневности по материалам журналов середины XIX – нач. XX вв.» затрагивает, в частности, роль образования в формировании новой модели поведения женщин после революционных потрясений в России на материалах журнала «Работница» и показывает, как формировались рубрики этого журнала и какое место было отведено материалам о жизни женщин новой формации [2].

Перейдем к анализу журнала «Работница». Первое, что обращает на себя внимание при рассмотрении журналов 1917 – начала 1920-х гг., — это качество бумаги и количество иллюстраций. Журнал отпечатан на желтой, низкого качества газетной бумаге, а картинок, рисунков и фотографий в нем нет. При наличии проблем в области полиграфии издание журнала для женщин было все же отдельно профинансировано и поддержано государственными органами. В первые годы после революции 1917 г. в журнале «Работница» вообще не обозначены рубрики, нет привычной журнальной структуры, и журнал больше напоминает брошюру [6]. Статьи очередных номеров посвящены борьбе с прежним укладом жизни, защите государством тех, кто был вынужден терпеть лишения в годы прежней царской власти «...я рано узнала нужду и горечь жизни. Сначала мне пришлось скитаться прислугой по богатым дворянским семьям и ничего, кроме тяжести на душе от этой жизни, у меня не осталось» [7, с. 10], — писали женщины об истории своей жизни. Были тексты-просьбы в отстаивании своих прав и свобод: «...редактор, прошу Вас напечатать о положении работающих при государственной типографии. В настоящее время жалование девочек 10–13 руб. в месяц и готовый обед. Только из-за одного хлеба приходится работать, а на обувь уже не хватает этого жалования! Защитите угнетенных» [7, с. 10] и т. п.

Вот примерное содержание журнала в мае 1917 г. [6]: приветствие, передовая статья о политических партиях в России, фельетоны (фрагменты литературных текстов популярных авторов), новости из-за границы, рабочее движение в России, солдатская жизнь [6, 7]. В номере также активно рассматривались вопросы выборов в Государственную Думу, освещались военные события, включая рассуждения об аннексии и контрибуции, публиковались статьи о вступлении в ряды движения за права женщин.

Приведем некоторые типичные для указанного периода заголовки статей: «Депутатка, работницы в организацию!», «Что мы должны делать?» Как позиционировал в это время свою роль в жизни женщины журнал «Работница» в 1917 г., видно при прочтении статьи «Как я продавала журнал “Работница” среди торговых служащих»: «Иду на Марсово поле, вижу собрание бастующих торговых служащих, подхожу и думаю: жаль мало захватила журналов, ведь здесь, пожалуй, большинство женщин-работниц. Предлагаю: “Товарищи! Журнал ‘Работница’, орган ЦК, защита интересов пролетарок!”» [7, с. 17].

Таким образом, «Работница» — журнал, позиционирующий себя защитником женщин. Примечателен тот факт, что, несмотря на большое количество агитационных, политических статей, в журнале все же есть место стихам и фельетонам.

Теперь перейдем к журналу «Работница» начала 20-х гг. Первое, что хотелось бы отметить, это появление цветной обложки, фотографий и рекламы, что было характерно с 1914 г., начала издания журнала.

Полагаем, что стоит остановиться подробнее на оформлении журнала. Важно, что в изображении мужчин и женщин акцентируются одни и те же качества: сила, мощь, трудолюбие, здоровье и др. Все это влияет на журнальный видеоряд: работающих женщин изображают стоящими, по пояс (ног не видно), в косынках, рукавицах и спецодежде с длинными рукавами, т. е. в одежде, максимально скрывающей тело. Кроме того, помещаются обычно групповые фотографии, на которых люди стоят достаточно плотно, поэтому можно разглядеть только лица и плечи, да и то в первых двух-трех рядах. Из одежды видны только косынки и воротники одежды (иллюстрация 1)

Иллюстрация 1 — Журнал «Работница» (1925, № 8)
Figure 1 — The Journal “Rabotnitsa” (1925, No. 8)

Оформление обложки обычно имеет следующие варианты: это либо фотография, коллаж, рисунок или фотография, индивидуальная или групповая, чаще всего женская (хотя встречаются портреты Ленина). Сильная ретушь, зачастую, делает фотографии неотличимыми от рисунков. Женщина почти всегда изображается за работой, чаще всего встречаются фотографии женщины за станком или выполняющей другую физическую работу, а подпись под фотографией сообщает о трудовых достижениях изображенной женщины.

Новая репрезентация женщин появляется на страницах журналов с середины 20-х гг. — это женщина, которая учится. Этот образ стал появляться на страницах журналов в связи с кампанией по обучению работниц без отрыва от производства (что всегда подчеркивалось в подписях к фотографиям). На снимках изображались молоденькие девушки, склоненные над книгами. На переднем плане обычно лежали «орудия труда»: карандаши, линейки, циркули, лекала. В Наркомпросе были разработаны методики обучения грамоте с применением политически актуальных и понятных взрослым учащимся лозунгов и простых текстов. Методы обучения ориентировались на развитие навыков учебного труда и самостоятельного мышления [2] (иллюстрация 2).

Иллюстрация 2 — Фотография 20-х гг. XX в.
Figure 2 — A Photograph from the 1920s

В это же время появляются изображения женщины с детьми. Подобные изображения часто встречаются в периодических изданиях 1923–1926 гг. Конечно же здесь мы видим прямую связь с политикой государства, направленной на поощрение и защиту материнства. В таких репрезентациях голова женщины прикрыта косынкой, зачастую женщина держит ребенка на руках. Изображается она, как правило, на фоне детских учреждений: яслей, детских садов. При создании образа подчеркивается здоровье матери и ребенка. Женщина полна физических сил и готова совершать новые подвиги во благо нового государства. В качестве примера мы приводим плакаты советских художников 20-х и 30-х гг.: С. Ягужинского «Дети не должны умирать!» (1925 г.) и П. Караченцова «За социалистическую Родину, за счастливую жизнь» (1937 г.) (иллюстрации 3–4).

Иллюстрация 3 — С. Ягужинский «Дети не должны умирать!» (1925 г.)
Figure 3 — S. Yaguzhinsky's "Children Must not Die!" (1925)

Иллюстрация 4 — П. Караченцова «За социалистическую Родину, за счастливую жизнь» (1937 г.)
 Figure 4 — P. Karachentsova's "For a Socialist Homeland, for a Happy Life" (1937)

В журналах конца XIX в. мы также часто встречаем изображения женщин с детьми, но там совершенно другой образный ряд: либо на прогулке, либо в гостиной за чтением или чаепитием, либо женщина просто играет с детьми. Отдельного внимания заслуживает рубрикация номера журнала «Работница», посвященного письмам читателей, которые стали, в том числе, интересоваться и модой. Любопытно, что в одном из номеров «Работницы» был опубликован ответ редакции на одно из писем, содержащее просьбу помещать выкройки одежды и советы по домоводству [6, с. 12]. Ответ гласил, что целью журнала является пропаганда организации нового быта на коммунистических началах, освобождения и раскрепощения женщин от унижительного домашнего труда, соответственно, такие мелкобуржуазные пережитки, как стремление к домашнему уюту и моде не могут найти место на страницах данного издания [6, с. 5].

Однако, уже в первом номере за 1924 г. редакция, принимая во внимание, что работница во многом живет «еще в старом мире» [7, с. 14], решила давать на страницах журнала «советы и указания, как справляться с этими домашними делами таким образом, чтоб найти больше досуга и времени для общественной жизни, для строительства “великой новой жизни”» [7, с. 15]. Но этим «советам и указаниям», тем не менее, в дальнейшем не уделяется много места (примерно полстраницы в каждом номере журнала).

Представляют интерес и такие неполитические рубрики, как «Охрана здоровья» и «Новое в медицине», где в популярной форме рассказывается о том, «что должен знать каждый» (например, статья «Для чего делают операции» [7]), или о каких-то «диких науках» (например, статья «Удаление половины головного мозга» [7]).

Кроме того, интерес представляют рубрики и статьи на «женские темы». Чаще всего они касаются гигиены, прежде всего беременных (о зачатии ребенка, развитии беременности) и ухода за детьми (преимущественно грудными). Показательно, что во всех номерах отсутствуют публикации по вопросам гигиены и косметики для женщин (вспомним разделы по гигиене в женских дореволюционных журналах [2, с. 35]).

Меняется и журнальная реклама. В основном она размещается на внутренней стороне обложки (точнее на предпоследней странице журнала) и представляет собой маленькие «окошки» с различной информацией: чаще всего рекламируются услуги библиотек, сберкасс, книги и журналы (сравним с дореволюционной рекламой, которую разрабатывали такие известные художники, как, например, Л. Бакст) (иллюстрации 5–6).

Иллюстрация 5 — Л. Бакст, социальный плакат (1904 г.)
Figure 5 — L. Bakst, a social poster (1904)

Иллюстрация 6 — Плакат «Все в библиотеку. Каждый батрак, бедняк, колхозник должен стать читателем библиотеки!» М.; Л.: Государственное издательство, 1929 г.
Figure 6 — Poster “Everyone to the Library. Every Laborer, Poor Person, Collective Farmer must Become a Library Reader!” Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoye Izdatel'stvo Publ., 1929

Посмотрим, из каких эстетических принципов происходил отбор материала в журнал, и каковы основные компоненты? Прежде всего, следовало создавать яркие образы, а не простые отчеты, нужно было указывать, что говорили работницы, как они отреагировали на то или иное событие, каковы были их переживания. Необходимо было, кроме таких очерков, печатать воспоминания пожилых работниц об их прежней жизни и труде. Если в коллективе имелись революционерки, то молодым читательницам, по мнению редакции, было бы интересно узнать о борьбе работниц со своими угнетателями в прошлом. К примеру, редакция отвечает некой Варфоломеевой-Смирновой из г. Юрьевца: «Ваше стихотворение “Ткачиха” было бы интересно для нашего журнала в том случае, если бы вы в нем отразили хотя бы кусочки нового быта работницы. А у вас по концу — новый быт, а по началу — скучная домашняя идиллия: дрова, печка, кастрюли... Нудно, скучно. Дайте что-нибудь яркое, современное в быте работницы» [7, с. 18].

Сам образ читательницы журнала «Работница» складывается во многом из перечисления основных общественных «дел», которыми она занята. Такая женщина многое пережила, много видела, много узнала и многому научилась. Еще недавно она была отсталой во всех отношениях («Даша — насадка с четырьмя ребятами, ничего не знает, что загорелась новая жизнь» [7, с. 5]), но с каждым днем она делает шаги вперед («стала работать, учиться в школе грамоты, посещать политические кружки» [7, с. 19]).

Заметки рабкорок (рабочих корреспонденток) с различных предприятий страны, как правило, содержат прежде всего констатацию достижений пролетарок. Что же они делают? Женщины устраивают собрания, посещают лекции, ходят в клуб, ликвидируют неграмотность, занимаются в политкружке, в спортивной и драматической студиях, «начинают принимать активное участие в общественной жизни» [7, с. 4]. Некоторые активистки даже в пожилом возрасте, обремененные семьей, не зная отдыха, помимо работы на производстве активно участвуют в различных комиссиях.

Вовлечены работницы и в партийную деятельность. Многие из них, как сообщается в журнале, члены завкомов, иные — постоянные участницы ячеек содействия РКИ. Например, среди работниц Союза Нарпитания собрания проходят всегда оживленно, работницы интересуются не только вопросами внутренней жизни коллектива, а охватывают и политические, и профессиональные вопросы. Собрания не обходятся без чтения и обсуждения брошюр. Огромной популярностью среди них пользуются доклады, развенчивающие религию, высмеивающие церковь. В противовес церковному празднику, в рабочих клубах проводится своя, комсомольская пасха [7, с. 21]. Женщины, слушая докладчика, «придвигаются ближе, их глаза становятся круглыми от неожиданности, изумления, а может, и обиды, что вот, дескать, как, а мы-то верили». «“Долой поповский дурман! Да здравствует наука и знание!” — говорят делегатки» [7, с. 22].

Важнейшей героиней всех печатных публикаций становится делегатка. В журнальных статьях и графических плакатах/рисунках создается ее образ. Такая делегатка, выдвигаемая трудовым коллективом, ликвидирует свою неграмотность, проходит школу коммунизма, рвется к знанию, расширяет умственный кругозор, посещает общепартийные собрания и школу политграмоты, читает своим сотрудникам газету или книжку. В «Работнице» есть две рубрики, повествующие о достижениях таких женщин в городе и деревне: «Деревня просыпается» и «Комсомолка».

Делегатки не верят в бога, правильно и толково объясняют политические новости другим женщинам, жадно, с интересом слушают агитаторов и лекторов, задают

вопросы: «Любит Праткина рассказать, что знает про коммунистов, а больше всего про Ленина. И как не рассказать, когда сама все это знает, когда об этом на делегатских собраниях слышала» [7, с. 7]. В рассказах о делегатках авторы не жалеют красок, щедро наделяют героинь всеми достоинствами сознательной гражданки.

Среди главных черт делегатки — стремление участвовать в собраниях вопреки угрозам (и даже побоям) мужа или отца; пренебрежение домом и хозяйством ради общественной работы. «Вся уходит пытливая Никитина в обсуждение вопросов, о ребенке забудет... А дома, какое бы ни было дело — ничто не задержит, «избегается, искалечится», как про нее говорят, чтобы с делами до собрания покончить, а уж если не управилась, так недомытое, недостиранное оставит, а в назначенный час соберется, как ни уговаривай» [7, с. 14].

Отдыхом от домашних забот и работы на производстве для делегатки являются собрания и лекции. Она убеждается, что без общественной работы не проживет: «Сейчас я чувствую себя счастливой. Это счастье я получила только потому, что три года назад была избрана делегаткой, и мое делегатство вывело меня на дорогу самостоятельную, дорогу глубокой общественной работы» [7, с. 10]. Образы новой идентичности женщин мы видим в изобразительных текстах того времени. На эту тему существуют графические и живописные работы художников — современников перемен, происходящих в общественной и социальной жизни женщин (иллюстрация 7).

Иллюстрация 7 — Шегаль Г. Долой кухонное рабство! Даешь новый быт! (1931 г.)
Figure 7 — Shegal G. Down with Kitchen Slavery! Let there be a New Household life! (1931)

В материалах, освещающих делегатские собрания (городские губернские, уездные), неизменно отмечается, что делегатки сидят спокойно, порядок не нарушают, внимательно и деловито слушают других и сами говорят, каждый вопрос разбирают долго и внимательно. Читать газеты времени не хватает, да и не всегда понятно, поскольку большинство (как пишут сами рабкорки) малограмотные. На собраниях всегда бывают хорошие докладчики, которые ясно обрисовывают положение Советской России, к чему стремятся большевики и как хотят помочь рабочим и крестьянам и т. д. На собраниях многим впервые открывается, что «кто-нибудь интересуется и нашей жизнью». «Раньше в делегатки боялись идти, теперь каждой хочется... Хоть теперь новые делегатки выбраны, а мы все равно на собрания ходить будем» [7, с. 10]. Так пишут женщины в своих посланиях в журнал «Работница» в 1923 г. При посредстве делегатов работницы «завоевывают положение», «укрепляют свои права», «пополняют знания». Делегатки прикрепляются к секциям Горсовета, где «учатся работать и тем самым принимают горячее участие в советском строительстве» [7, с. 12]. Делегатки являются практикантками при Губоно, в правлении своего профсоюза, в культкомиссии, в потребительском обществе, в комиссии по охране труда. Именно делегатки, как правило, являются корреспондентками местных и центральных газет. «В общем, идет большая и серьезная работа: “Побывавшая делегаткой работница с гордостью говорит: ‘Вот я тоже была делегаткой’”» [7, с. 11]. Очень точно и выразительно образ такой женщины создал Г. Рязский (иллюстрация 8).

Иллюстрация 8 — Рязский Г. Делегатка (1927 г.)
Figure 8 — Ryazhsky G. The Female Delegate (1927)

Вот какими оборотами обрисовывается деятельность такой женщины в журналах того времени: «Ее теперь все знают», «она уже выдвинулась», «хочет перестроить всю домашнюю жизнь», «ни у одной делегатки уже не найдешь икон». Делегатки становились примером для детей, которые вступали в ряды пионеров и комсомольцев. На фоне приобщения работниц к общепролетарской борьбе растет и тяга к знаниям. «Работницы понимают, что для работы — во всем необходимо образование» [7, с. 13]. Чтобы стать всегда ценным, необходимым работником, которого не сократят, работница должна через профсоюзы, культкомиссии и политпросветы добиваться организации технических курсов, заниматься и оканчивать их с целью получить специальное образование.

Повышение квалификации тесно связано с ростом сознательности и общественной активности. Низкая категория, низкий заработок не стимулирует к повышению выработки. «А как по шестому разряду получит работница, так с ней и о политике, и о работе можно говорить» [7, с. 15].

Трудности, с которыми сталкивается Советская власть, могут быть преодолены только при условии сознательного отношения всех трудящихся к социалистическому строительству. «Если что худо, значит потому, что мы еще не научились, не разбираемся. Надо нам, работницам, научиться все понимать и суметь нужное слово сказать» [7, с. 7], — как пишет одна из читательниц журнала «Работница» в 1923 г.: «Прежние “воспитатели” строили только кабаки для мужчин и церкви для женщин, чтобы молились и нужду свою терпели. А теперь совсем другое» [7, с. 10]. Куда все идут после работы, когда наступает 7 часов вечера? Одни в читальню для взрослых, другие в театр, третьи в клуб, детишки спешат в читальню для детей. Создается своя здоровая пролетарская культура. За рабочим идет и работница от старого семейного уклада, от ухватов и корыта. «Эх, била меня мать и ругала, с комсомолом гулять не пускала. Лучше б дома, говорит, посидела. Поучилась щи варить, хлебы делать. Нет, мамаша, все ты зря: эти вещи спокон века кабалют бедных женщин» [7, с. 3].

Потребность работницы в хорошей музыке и пении, интересных лекциях, книжках, газетах, по совету журнала, должна удовлетворяться посещением клуба: «Матери! Не на посиделки гоните своих дочерей, а на лекции, в театр, на собрание. Не ходите никто на посиделки! Идите в читальню, на собрание, идите в школы шитья, которые для вас открываются, где не только учат шить, но где газеты и книжки читают. Совместное обсуждение услышанного или прочитанного позволило научиться вслух высказывать свои мысли — «это очень важно для работницы» [7, с. 9]. Клуб должен быть и школой, и местом отдыха для работницы. «Прежний короткий путь — от станка к кухне и корыту — заменяется более длинным, но зато более интересным и живым — от станка в клуб, в делегатское собрание, в Совет, в фабком и т. д. и т. д.» [7, с. 8].

В корреспонденциях с мест рабкорки пишут, что в настоящее время все хотят быть работниками активными и полезными. Для этого «учиться и учиться нужно», потому работницы посещают клубы при своих заводах, выступают на собраниях, «с трудом, но все стараются подыскать нужные слова и высказать свое мнение» [7, с. 12].

Многие, научившись грамоте, продолжают посещать школу, становятся делегатками, отправляются в партшколу: «Выпрямились плечи, поднялась голова, живо заблестели глаза, отражая усиленно работающую мысль. Она ожила» [7, с. 9]

В журнале отмечалось, что конференции и делегатские собрания всегда производят «большое впечатление» [7, с. 13]. Как следствие, даже самые религиозные и те стали

вылечиваться от религиозного дурмана («если рвать со старым, так до конца» [7, с. 12]). По картинам того времени можно реконструировать образы молодых и не очень современниц художников, живших и работавших в начале XX в. Художественные реплики современников того времени сегодня актуальны и полны смыслов. Кроме образов героинь-работниц мы анализируем стилистику и прагматику визуальных текстов, которые со временем стали документами эпохи (иллюстрация 9).

Иллюстрация 9 — Юон К. Подмосковная молодежь. Лигачево (1926 г.)
Figure 9 — Yuon K. Suburban Youth. Ligachevo (1926)

Как сказано в журнале, «недавние рабыни учатся жить, строить новую жизнь и управлять ею». Работница должна делиться с крестьянкой своим опытом и знаниями. Взять с собой в деревню несколько номеров журнала «Крестьянка», уговорить подписаться на этот журнал, «взять брошюры руководства, содержащие полезные крестьянкам сведения» [7, с. 10]. Списки нужных книжек приводятся на страницах журналов «Коммунистка», «Работница», «Работница и крестьянка». Делегатки должны помочь понять, что задачи, которые стоят перед рабоче-крестьянской страной, по сути — собственные задачи крестьянки. Укрепление сельского хозяйства является ее кровным делом как «работницы земледелия». Крестьянки понимают, что не могут жить без города, а город без деревни. И признают они это сознательно, как члены пролетарской семьи, заинтересованные в хозяйстве страны. Труженики и труженицы городов и деревень идут к одной цели, говорят одним языком [8, с. 46].

Вот как проходит совместное празднование дня 8 марта у работниц и крестьянок: «Красные платочки, веселые песни, музыка создают трогательную атмосферу. Простые слова, которыми одна из крестьянок выразила работнице благодарность за ее борьбу и освобождение темной крестьянки от векового гнета, глубоко впали в душу работ-

ниц. Никогда-никогда не помнили ни работница, ни крестьянка таких торжественных дней. Этот праздник превзошел все другие. Этот праздник воочию показал солидарность угнетенной капитализмом работницы и забитой нуждой, и рабством крестьянки, которых одинаково освободила советская власть» [9, с. 9].

В журнале широко освещается переустройство быта работниц и крестьянок, затрагиваются следующие темы: воспитание детей в саду, любовь, семья: «На старый быт работниц глядя, решил фабком как добрый дядя избавить их от тягостных оков — от кухни и горшков. И, упразднив кухню-мышеловку, открыть при фабрике столовку. Вместо иконы в красном углу — портрет Ленина, вместо церкви работницы идут в клуб, младенцев своих несут не к попу на крестины, а в клуб на октябрины, вместо пересудов занимаются ликвидацией своей неграмотности. Мужьям больше не позволяют издеваться над собой, заявляют о побоях в Женотдел, борются с пьянством. Дети работниц — пионеры и комсомольцы. Комсомолка — молодая, свежая сила в семье; по-иному, по-новому строит она свой быт, борется в семье со старыми порядками, обычаями и предрассудками. Она склоняет на свою сторону отца и мать, а если бессильна в этом — бросает семью и уходит в коллектив молодежи. Комсомолки — ученицы фабзавуча» [9, с. 11].

В качестве примера показателен рассказ «Смелее к новому» о молодой и красивой девушке Татьяне, которая никак не может решить, за кого выходить замуж. Мать заставляет ее выйти замуж за Ивана «с ним век сладко проживешь», а по душе ей Миша-комсомолец: «Да, да, работать. Вместе с тобой строить новое. Больше ничего и не нужно» [9, с. 13].

Очевидно, что такие женщины, меняют не только фасон платьев, но и весь свой облик в целом. Вместо сложных женственных причесок у них — короткая мальчишеская стрижка. Функциональность во всем и саморепрезентация становится главным мерилом их красоты и реноме [4, с. 17].

Спорт и гигиена все активнее входят в их жизнь как условие функциональной жизнедеятельности, изменяют представление о красоте человека. Новым становится и эстетический идеал. Резко меняется представление о самой женской красоте. В 20-е гг. XX в. можно увидеть следующую тенденцию: осталось в прошлом беззащитное, слабое существо, опекаемое мужчиной; трансформировался традиционный образ скромной, нежной, слабой женщины. На смену ему приходит сильная, самостоятельная и свободная женщина. Журнальные статьи показывают, как постепенно формируются новые гендерные стереотипы, нормы поведения, модели общения мужчин и женщин. Складываются новые каноны красоты и стиля. Независимость, решительность, умение справляться с нелегкими условиями труда и быта — вот черты, которые характеризуют теперь женский облик. Не хрупкая, изящная дама, не роковая женщина начала XX в., а деловая, образованная, собранная, спортивная — этот образ, формировавшийся в далекие 20-е гг. XX в., до сих пор остается актуальным.

Список литературы

Исследования

- 1 *Дашкова Т.* Телесность — Идеология — Кинематограф. Визуальный канон и советская повседневность М.: НЛЮ, 2013. 171 с.
- 2 *Котовская М.* История моды и повседневности по материалам журналов середины XIX – нач. XX вв. М.: Московский государственный университет дизайна и технологий, 2013. 98 с.

- 3 *Петрова Я. И.* Социально-экономические аспекты ликвидации неграмотности среди женщин в СССР в 1920–1930-е гг. // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. №. 1. С. 81–87.
- 4 *Швец Э.* 100 лет российского парламентаризма // Тема парламентаризма в отечественном изобразительном искусстве. М.: Российский государственный социальный университет, 2006. С. 14–18.

Источники

- 5 Большеви́стская печать: сб. материалов Вып 3–4. М.: Большеви́стская печать, 1960–1961. 1235 с.
- 6 Работница. 1917. № 5. 42 с.
- 7 Работница. 1923. № 12. 40 с.
- 8 *Колонтай А.М.* Дорогу крылатому эросу. М.: Молодая гвардия, 1923. № 3. С. 110–112.
- 9 Работница. 1924. № 1. 45 с.

© 2023. Valerii S. Belgorodsky
Moscow, Russia

© 2023. Maria G. Kotovskaya
Moscow, Russia

© 2023. Elina G. Shvets
Moscow, Russia

“I DON'T WANT TO GET MARRIED, I WANT TO STUDY”: TO THE SOCIOLOGY OF EVERYDAY LIFE

Abstract: The paper examines everyday practices associated with female gender socialization and specific aspects of women's social life in Russia during the first decades of the 20th century. The study is based on materials of the journal “Rabotnitsa” (The Female Worker) from the 1910s to 1920s. It explores the formation of women's worldviews, changing perspectives on women's education, the development of beauty standards, and the emergence of new behavioral models. The paper demonstrates how socio-economic transformations influenced the lifestyles, thought patterns, and appearances of women in the early 20th century, a time when mass industrialization and urbanization processes were taking place simultaneously. The authors propose a well-founded hypothesis about the changes in the concept of the “Rabotnitsa” journal compared to the late 19th century, when the journal existed in a completely different social paradigm. The conclusions of the study address what remained essential in a woman's life despite revolutionary upheavals and the new way of life. In the 1920s, women were no longer seen as helpless, weak creatures, dependent on men. The image of a modest, delicate, weak woman was left in the past. The new image of a woman encompassed such qualities as strength, independence, and freedom. The journal articles illustrate how new gender stereotypes, norms of behavior, and patterns of communication between men and women gradually formed.

Keywords: Everyday Practices, Women's Magazine, Female Image, Women's Education, Social Paradigm, Media.

Information about authors:

Valerii S. Belgorodsky — DSc in Sociology, Professor, Rector, Kosygin Russian State University, Malaya Kaluzhskaya St. 1, 119071 Moscow, Russia.

E-mail: rector@rguk.ru

Maria G. Kotovskaya — DSc in of History, Professor, Leading Researcher, Institute of Ethnology and Ethnography, Russian Academy of Sciences, Leninskii Ave. 32A, 119334 Moscow, Russia; Professor, Kosygin Russian State University, Malaya Kaluzhskaya St. 1, 119071 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1056-3432>

E-mail: kotovskaya53@gmail.com

Elina G. Shvets — PhD in Pedagogy, Assistant Professor, Department of Art Theory and History, Russian State University for the Humanities, Chayanova St. 15, 125047 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1821-0586>

E-mail: elina_shvets@mail.ru

Received: August 9, 2022

Approved after reviewing: January 4, 2023

Date of publication: June 28, 2023

For citation: Belgorodsky, V. S., Kotovskaya, M. G., Shvets, E. G. “‘I Don’t Want to Get Married, I Want to Study’: to the Sociology of Everyday Life.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 68, 2023, pp. 81–95. (In Russ.)

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-68-81-95>

References

- 1 Dashkova, T. *Telesnost' — Ideologiya — Kinematograf. Vizual'nyi kanon i sovetskaia povsednevnost' [Embodiment — Ideology — Cinema. Visual Canon and Soviet Everyday Life]*. Moscow, NLO Publ., 2013. 171 p. (In Russ.)
- 2 Kotovskaya M. *Istoriia mody i povsednevnosti po materialam zhurnalov serediny XIX – nach. XX vv. [History of Fashion and Everyday Life Based on the Materials of Journals of the Mid-19th - Early 20th Centuries]*. Moscow, Moscow State University of Design and Technology Publ., 2013. 98 p. (In Russ.)
- 3 Petrova, Ia. I. “Sotsial'no-ekonomicheskie aspekty likvidatsii negramotnosti sredi zhenshchin v SSSR v 1920–1930-e gg.” [“Socio-economic Aspects of Illiteracy Elimination among Women in the USSR in the 1920s – 1930s”]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriia, pedagogika, filologiya [History, Pedagogy, Philology]*, vol. 24, no. 1, 2018, pp. 81–87. (In Russ.)
- 4 Shvets, E. “100 let rossiiskogo parlamentarizma” [“100 Years of Russian Parliamentarism”]. *Tema parlamentarizma v otechestvennom izobrazitel'nom iskusstve [The Theme of Parliamentarism in Russian Fine Art]*. Moscow, Russian State Social University Publ., 2006, pp. 14–18. (In Russ.)